Странные и прекрасные вещи происходят с каждым из нас ежедневно. Маленькие истории и значительные события влияют на нашу жизнь, наш характер, нашу судьбу. Ирландский философ, эстет, писатель, поэт Оскар Уайльд однажды сказал, что «…жизнь не делится на мелочи и важные вещи. В жизни все одинаково важно…». Рассказывая истории из своей жизни, мы делимся друг с другом своими воспоминаниями. Они бывают смешными и забавными, грустными и тяжелыми, но все равно остаются для нас важными. Газета «Вести» продолжает публикацию интересных историй из жизни простых людей нашей страны под общей рубрикой «Однажды…».

Однажды в сапогах

Я родился и вырос в небольшом городке. Мой отец был офицером. В нашем доме часто собирались семьи офицеров. Иногда компании состояли лишь из жен офицеров, но больше я любил слушать мужские разговоры. Мне нравилась военная форма: китель, погоны, фуражка, начищенные до блеска сапоги – все это создавало в моей детской голове особую магию. Однажды, когда мне едва исполнилось пять лет, мы с мамой пошли в магазин, где я увидел черные резиновые сапоги. Мне так захотелось, чтобы мама их купила! Удивительно, но уговаривать ее долго мне не пришлось. Получив заветный подарок, завернутый в бумагу темно-коричневого цвета, я вприпрыжку отправился домой. Это сейчас детские резиновые сапоги стали делать из экологически чистого материала, декорировать фурнитурой, придавая обуви романтический детский образ. Но тогда детские сапоги были непроницаемого черного цвета с ярко выраженным запахом резины. Однако для меня запах резины был схож с запахом мужественности. Дома я снова обулся в свою обновку и стал ходить по квартире. В голове начали появляться картинки, как я буду руководить парадом. Движения мои, как мне тогда казалось, были выдержанными и четкими. Мама, увидев меня, посмеялась и сказала, чтобы солдат снял сапоги, потому что в квартире дождя не предвидится. Мне пришлось подчиниться. Но когда все легли спать, я достал свою мечту с полки и положил под подушку. Мне нравилось вдыхать этот резиновый, полный отваги аромат. Заснул я лишь потому, что завтра должен был пойти в детский сад в самых лучших сапогах на свете. Каково было мое удивление, когда мама заявила, что в сад я иду в обычных сандалиях. Возмущению моему не было предела. Я надел сапоги и наотрез отказался выходить из дома в сандалетах. Но мама не собиралась отступать, медленно, тихо, с расстановкой сказав: «У тебя пять минут на сборы». Я был ее сыном, поэтому сдаваться не стал и, скрестив руки на груди, заявил, что не тронусь с места. Расправа за упрямство прилетела молниеносно: я получил по задней части тела. Мама снова скомандовала, чтобы я собирался. В ее голосе звучали металлические ноты. Но я упрямо стоял на своем. За что снова получил изрядную порцию оплеух. Стоя в резиновых сапогах, я понимал – плакать нельзя, поэтому не сдавался и не плакал.

Через двадцать минут мама в сердцах сказала, что если я не выйду сейчас, то буду сидеть дома. На что я совершенно спокойно ответил, что и не собирался никуда выходить без своих прекрасных сапог. Мама уже опаздывала на работу, за что могла получить взыскание. В детский сад мы уже не успевали, меня оставили дома. Когда мама прибежала на обед проверить, как там поживает ее чадо, то увидела сногсшибательную картину: ее пятилетний сын в белой майке, черных трусах и сапогах на голую ногу, марширует, отдавая кому-то приказы. Она обмякла, села в коридоре на табуретку и сказала, что с таким характером я никогда не пропаду. Вечером ей пришлось набраться терпения и тихо-мирно договориться со мной не обуваться в сапоги, пока не пойдет дождь. Она обняла и поцеловала меня, объяснив, что очень хочет видеть своего сына мужественным и смелым. При этом мама заверила меня, что так и будет, воскликнув: «Зря что ли мы купили сапоги?» Так сильно я никогда прежде не ждал дождя…

С тех пор прошло много лет, половину из которых я провел в военной форме. В ношении она оказалась совсем не магической, было в ней много ненужного и неудобного. Я женился, сам стал отцом и однажды купил сыну джинсы. Мне казалось, они были хороши. Только когда мой сынок-второклассник один раз сходил в них в школу, одноклассницы сказали, что джинсы – «отстой». На следующее утро сын наотрез отказался надевать их. Когда я посмотрел на этого упрямого мальчишку, который, скрестив на груди руки, безапелляционно заявил, что джинсы не наденет ни при каких обстоятельствах, даже если его поколочу, я подошел к своему чаду, обнял его, поцеловал в затылок и сказал, что он – точная моя копия. Спорить было бессмысленно. Вместе мы выбрали джинсы, в которых сынок чувствовал себя комфортно и без опозданий отправился в школу.

Вечером я позвонил маме и рассказал эту историю. Она рассмеялась и со словами: «Какое счастье, я отомщена!» – попросила поцеловать ее родного внучка.

Однажды в электричке

Мы с мужем прожили вместе пять лет, прежде чем нас стало трое. Наш долгожданный ребенок родился в большой любви. Мы обычная пара. Между нами бывало все: и вспышки гнева, и раскаяние примирения. Но в тот день, когда в загсе мы сказали друг другу «да», мы приняли решение стать единым целым. Конечно, быт, финансовые сложности, неприятности на работе накладывали отпечаток на нашу жизнь, но каждый из нас старался все плохое оставлять за порогом дома. Дом наш, конечно, не особняк на берегу лазурного берега, обычная квартира. Но все, что здесь находится, куплено

совместными усилиями. Мы называем наш уютный дом храмом нашей семьи, в который каждый из нас спешит вернуться после рабочего дня.

Я не знала, каким отцом станет мой муж, и была приятно удивлена тому, что он с радостью делил со мной все тяготы первых лет жизни нашей малышки. Конечно, как все мужчины, муж мечтал о наследнике, но совсем не расстроился, когда на контрольном УЗИ узнал, что у нас родится девочка. Мы назвали ее Машей. Позже наш папа научился заплетать косички, выбирать красивые гольфы и нарядные платья. Муж очень баловал свою красотку. Дочка в отце души не чаяла. Эту сладкую парочку иногда приходилось возвращать на землю, но мне всегда было приятно наблюдать, как трепетно отец может любить свою дочь.

Однажды мы решили съездить к родственникам в соседний город. Купили билеты на электричку, собрались, оделись и отправились в небольшое путешествие длиною в два дня. На улице светило солнышко, первые дни сентября еще не напоминали об окончании лета. Предвкушение встречи с родными людьми радовало. Мы заблаговременно пришли на остановку и стали ждать электричку. Тогда нашей дочке было четыре года. Она с раннего детства была очень аккуратной девочкой, любила красиво одеваться. Единственной ее проблемой был диатез. Нашей девочке категорически нельзя было есть сладкое. Конечно, Машеньке мы давали шоколад и мороженое, но в очень ограниченном количестве и при тщательном изучении их состава. На остановке мы говорили о родне. Я снова рассказала, кто кому кем приходится. Машутка напевала песенку, которую мы выучили в детском саду. Муж остановил мой рассказ поцелуем, сказав, что все и всех давно запомнил. Я обняла своего суженого, дочка к нам присоединилась. Потом сказала, что очень устала и хочет к папе на ручки. Я сказала, что тоже хочу на ручки. Маша отстранилась от нас, оценивающим взглядом посмотрела на меня и сказала, что я очень тяжелая для папы, а его надо беречь. Мы рассмеялись. Я поняла, что спор проигран. Хитрюшка с бантом уже сидела на руках у отца и целовала его гладковыбритую щеку. Мы были так увлечены друг другом, что я не сразу обратила внимание на пожилую женщину, которая сидела на скамейке и внимательно следила за нашим диалогом. Когда я перевела взгляд на нее, она даже не смутилась своей откровенной заинтересованностью. Мне почему-то стало не по себе. Ее водянистые, бесцветные глаза были наполнены злобой. Крупные черты лица говорили о том, что даже в молодости она была некрасивой женщиной. Голова была покрыта черным платком, из-под которого выбивались седые кудри. Одета женщина была просто, но я обратила внимание на необычное золотое кольцо на старой руке. Судя по форме, оно было изготовлено лет тридцать назад. Камни были таким крупными, что сначала мне показалось, что это фианиты, но как только солнечные лучи попали на кольцо, стало ясно, что это бриллианты. «Ого, – подумала я, – вот это бабуля. Видимо, тайная миллионерша». Старуха увидела мою заинтересованность украшением и сиплым голосом сказала, что кольцо – подарок ее отца. Я вежливо улыбнулась и отметила, что кольцо очень красивое. Мне совсем не хотелось продолжать диалог, было в этой

старушке что-то отталкивающее. Я облегчено вздохнула, когда увидела приближающую электричку.

Вагон со скрежетом распахнул свои двери, муж сначала помог забраться мне, потом дочке. Обернувшись, он увидел, что старуха на лавке тоже собралась в эту электричку. Будучи воспитанным мужчиной, он взял бабулю под руку, помог ей забраться и донес большую сумку. Бабуля стала неприлично кокетничать и сказала, что давно не встречала такого галантного кавалера. Электричка была почти полной. Оставалось только два пустых места. Я взяла на руки Машеньку и села на одно место, бабуля пристроилась по соседству. Муж протиснулся к нам поближе, и мы поехали. Неприятная соседка всю дорогу рассматривала мою дочку, потом решила с ней заговорить. Диалог был очень прост: как дела, куда едете. Но мне было очень дискомфортно рядом с этой неприятной женщиной. Перед нашей остановкой бабушка стала лихорадочно искать что-то в своей сумке. Перевернув все внутри, она достала шоколадную конфету и протянула Машеньке. Дочка взяла конфету, поблагодарила соседку, повернулась ко мне и спросила разрешение ее съесть. Чтобы щечки не зашелушились, я решила разделить конфету напополам, и вторую половинку отдать мужу. Как только я разломила конфету, увидела внутри иголку... У меня оборвалось сердце. Я посмотрела на старуху и увидела ее перекошенное от злости лицо. «Сдохните!» – прошипела она и стала двигаться к выходу. Я стала кричать, чтобы старуху не выпускали из вагона. Муж схватил ее за руку, она попыталась вырваться, но сделать это было невозможно. Электричка остановилась на нашей станции, муж вытащил бабку на улицу, стал ее трясти, требовать объяснений. Старуха стала рыдать и говорила, что ненавидит весь мир. Стала просить, чтобы он ее отпустил, вызвала милицию. Те, на удивление, приехали очень быстро. Мы рассказали, что старуха пыталась убить нашу дочь. На станции было отделение милиции, где бабке учинили допрос.

Когда все немного успокоились, старуха рассказала, что когда-то давно влюбилась в женатого мужчину, от которого забеременела. Но мужчина не решился уйти из семьи. Когда об этом позоре узнал ее отец, он потребовал сделать аборт. В той деревне, где она жила, нашли какую-то повитуху, которая варварским способом убила нерожденное дитя, оставив женщину навсегда бесплодной. Мужчина после аборта больше не появился. Через год искалеченная любовница увидела своего избранника на улице. Он гулял со своей женой и дочерью примерно такого же возраста, как Маша. Они были счастливы. Отвергнутая, несчастная женщина была вне себя от гнева, досады и обиды. Последняя надежда на счастье рухнула. Месть и ненависть поселилась в ее сердце. Она так и не вышла замуж. Ее отец долго раскаивался в том, что сам лишил ее возможности познать счастье материнства. Он собрал все накопления и купил ей то самое кольцо, на которое я обратила внимание. Но оно так и не принесло женщине счастья. Скольким людям мироненавистница принесла горе, мы так и не узнали. Но то, что она заранее готовилась причинить боль, было понятно без слов. Участковый

попросил нас выйти в коридор. Он сказал, что дело бесперспективное. Завтра бабка откажется от слов, скажет, что иголку подложил изготовитель конфет, и оснований привлечь ее к ответственности не будет. Я требовала справедливости. Муж пытался меня успокоить. Но его слова меня не трогали. Почему я должна была расплачиваться за чужую изуродованную жизнь?! А если бы Маша съела эту злосчастную конфету. Мне первый раз в жизни было по-настоящему страшно за своих близких. Муж прижал нас с Машенькой к себе и попросил никогда ничего не бояться. Заявление на старуху мы писать не стали. Выйдя на улицу, я вдруг почувствовала первое дуновение осени. На солнышко набежала небольшая тучка, мгновенно стало холодно. Я попросила дать мне время перевести дух. Мы сели на лавочку, сердце выскакивало из моей груди. Как беззащитен каждый из нас перед смертью и горем. В одночасье мы могли лишиться нашей дочери. Я закрыла глаза руками и горько заплакала. Машенька обняла меня и, не сказав ни слова, стала тоже плакать. Муж, который отлучился позвонить родственникам, чтобы предупредить о нашем опоздании, испуганным голосом стал спрашивать о том, что еще случилось, раз мы так плачем. Он достал свой большой носовой платок, вытер наши щеки, требовал прекратить потоп. Как только мы успокоились, из отделения выскочил участковый. Он бросился к нам с вопросом: «Нет ли среди нас врача?» Ответив, что нет, мы поинтересовались, зачем потребовался врач? Оказалось злоумышленнице вдруг стало плохо. Пока ехала машина скорой помощи, старуха умерла…

Наверное, это не по-христиански при таких обстоятельствах говорить «слава Богу», но я действительно почувствовала облегчение от того, что это зло во плоти никому не принесет беды.

Ариша ЗИМА